

Аннотация

В статье **Б.Н. Алейникова** на основе анализа доктринальных толкований и действующих положений части четвертой Гражданского кодекса РФ раскрыто понятие, выявлены признаки интеллектуальных прав, дан их сравнительно-правовой анализ. Сопоставлены проприетарная концепция и концепция исключительных прав, показаны позиции и противоречия во взглядах ведущих специалистов гражданского права. Охарактеризовано соотношение интеллектуальных прав с вещными правами, в частности, с правом собственности. Критически рассмотрено введение в ГК РФ пункта 3 ст. 1227, выявлена дискуссионность позиций о невозможности применения аналогии закона о вещных правах к законодательству об интеллектуальных правах. Проведя анализ положений судебной практики по исследуемому вопросу, автор делает вывод о том, что понятие и признаки интеллектуальных прав, закрепленные в действующем законодательстве, эффективно используются, а дискуссионные вопросы относительно соотношения интеллектуальных и вещных прав, оставаясь в рамках научных дискуссий, не являются неразрешимым препятствием для реализации новаций части четвертой ГК РФ. В то же время важным представляется вопрос о формировании соответствующего правового сознания с учетом того, что в России традиционно слабо развиты механизмы охраны и защиты интеллектуальных прав.

Ключевые слова: интеллектуальные права; интеллектуальная собственность; вещные права; право собственности; часть четвертая ГК РФ; проприетарная концепция; концепция исключительных прав; аналогия закона.

Интеллектуальные права: понятие, соотношение с вещными правами

В современной литературе разработка понятия и выявление признаков интеллектуальных прав, как и в целом вопросы института интеллектуальной собственности нередко преподносятся как новые. При этом авторы отталкиваются от того, что в современной России «по историческим меркам...» данные вопросы решаются «незначительный промежуток времени», так как «проблема интеллектуальной собственности» возникла «в практической деятельности россиян лишь в постсоциалистический период»¹. Действительно, понятие «интеллектуальная собственность» вошло еще в советское

право в 1990 г. с принятием Закона СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР». В то же время с «новизной» проблем интеллектуальных прав трудно согласиться.

Понятие и признаки интеллектуальных прав со второй половины XIX в. традиционно находятся в центре дискуссий российских цивилистов. «Невыясненность юридической природы авторского права, — отмечал Г.Ф. Шершеневич, — обусловливается общераспространенным словоупотреблением, невольно возбуждающим ложные представления, от которых трудно бывает отре-

¹ Леонтьева Л.С. К вопросу о праве интеллектуальной собственности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 243–247.

шиться даже ученому»². И сегодня, спустя более чем столетие, с данным понятием по-прежнему увязывают «вопросы и проблемы, либо вовсе не существующие, либо не имеющие к нему отношения»³.

Положить конец длительным дискуссиям должно было принятие части четвертой ГК РФ, где легализовано давно известное и широко применяемое в отечественной правовой литературе понятие «интеллектуальные права» (ст. 1226). Кроме того, из структуры ГК РФ следует дифференциация интеллектуальных и вещных прав, о чем красноречиво говорит самостоятельность части четвертой Кодекса, где выделены права на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД) и средства индивидуализации. Законодательное нововведение еще на стадии обсуждения проекта, а особенно после принятия части четвертой ГК РФ вызвало оживленные споры ученых и практиков⁴. При этом речь шла не о необходимости коррекции правового режима регулирования отношений интеллектуальной собственности, отличного от режима, существующего для отношений вещной собственности. Вопрос, как отметил В.П. Мозолин, состоит в ином: является ли отказ от самого понятия «интеллектуальная собственность» с его заменой на понятие «интеллектуальные права», реализованный в части четвертой ГК РФ, правоммерным⁵.

Следует пояснить, что в раскрытии юридической природы права на РИД старую проприетарную концепцию сменила концепция исключительных прав, базовым положением которой стал тезис о дифференциации единого субъективного права интеллектуальной собственности на два условно независимых вида субъективных прав: личных неимущественных прав, неотделимых и неотчуждаемых от автора, и имущественных прав, вполне отделимых от личности автора и приобретающих свой-

ства передаваемости иным лицам и потенциал самостоятельности объекта гражданского оборота.

Общая концепция исключительных прав преобладала в промышленных странах уже в XIX в., а с начала XX в. стала отмечаться конвергенция концепций субъективных прав на РИД, которые объединяли понятия прав интеллектуальной собственности и исключительных прав. Такое совокупное понятие, как «интеллектуальная собственность», вошло в международные акты⁶, а также российское законодательство⁷. Исходя из международно-правового понимания (п. VIII ст. 2 Стокгольмской конвенции), как полагает В.П. Мозолин, следует толковать и норму части 1 ст. 44 Конституции РФ, где даны гарантии охраны интеллектуальной собственности, понятие которой включает как личные неимущественные права, неотделимые от автора, так и имущественные права на РИД⁸.

Дискуссия вокруг понятийного аппарата проникла и на страницы учебной литературы, где отмечалась определенная условность категории «право интеллектуальной собственности» как синонима «исключительного права». И.А. Зенин в своем учебнике специально обосновывал его название, так как в данном случае под «правом интеллектуальной собственности» пришлось рассматривать также личные неимущественные и прочие права⁹. Не вторгаясь в обозначенную обширную дискуссию, будем считать приемлемым для данной работы понимание «интеллектуальных прав», предложенное Э.П. Гавриловым как «совокупность различных гражданских прав, возникающих на интеллектуальную собственность по 16 объектам гражданского права»¹⁰. В данном определении автор относит интеллектуальные права к разновидности абсолютных прав, т.е. прав того же типа, что и право собственности¹¹. Таким образом, остается актуальным исследование проблематики соотно-

² Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. — Казань, 1891. С. 29.

³ Маковский А.Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева. — М., 2008. С. 135.

⁴ Алейников Б.Н. Институт права собственности и социальное государство в России. — СПб.: Издательство Юридического института (СПб), 2008. С. 188–212.

⁵ Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12 (132). С. 100.

⁶ См. Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г., Стокгольмскую конвенцию, учреждающую Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 14 июля 1967 г.

⁷ См. Конституцию РФ (ст. 44), ГК РФ (в ред. до 1 января 2008 г., ст. 128 и 138).

⁸ Мозолин В.П. Указ. соч. С. 100–109.

⁹ Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. — М.: Юрайт, 2011. С. 9.

¹⁰ Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы // Правовые исследования: новые подходы: сб. ст. факультета права НИУ ВШЭ. — М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 318.

¹¹ Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы

шения интеллектуальных прав с вещными правами, особенно с правом собственности.

В судебной практике при рассмотрении требований о защите авторских прав требуется как установить автора РИД, так и решить вопрос о том, считается ли данный результат таковым, созданным творческим трудом автора. На практике это важно, так как принцип исчерпания права, допускающий участие в обороте правомерно введенного в него экземпляра произведения без последующего согласия правообладателя, не наделяет участников гражданского оборота правом по своему усмотрению использовать РИД, а не его экземпляр на материальном носителе, без вознаграждения правообладателю¹².

Принятие части четвертой ГК РФ устранило не все недоработки и противоречия в правовом регулировании интеллектуальных прав. В частности, не были разрешены важные как в доктринальном, так и в практическом плане вопросы соотношения вещных и исключительных прав, особенно в части принадлежности прав на РИД и средства индивидуализации, полученные в учреждениях и унитарных предприятиях. Актуальным оставался вопрос о залоге исключительных прав, возможности внесения их в уставный капитал, о выделении долей в исключительном праве.

Разрешая данные вопросы, полезно обратиться к проприетарной концепции прав на результаты интеллектуальной деятельности, развитой российскими цивилистами на рубеже XIX–XX вв. Приравнивая право создателя на творческий результат к праву собственности создателя материального объекта, право субъекта интеллектуальных правоотношений трактовалось ими как право собственности. Таким образом, предприниматели, приобретая авторское право, становились собственниками и результатов творчества автора в последующем. Г.Ф. Шершеневич исходил из существующего на тот момент официального признания анализируемых правоотношений не самостоятельными, а принадлежащими к категории вещных субъективных прав. Автор объяснял это следованием традиции, которая исходила из особого вида права собственности, так как российское законодательство

в этом плане следовало «господствовавшему в прежние времена взгляду теории». При этом Г.Ф. Шершеневич критически относился к этой точке зрения по причине «различия объектов». Распространять понятие о вещных правах на интеллектуальные права как не имеющие объектом вещи, автор считал «теоретически неудобным». Г.Ф. Шершеневич делал вывод: порядок возникновения, перехода, прекращения вещных прав исходит из их материального содержания. Исходя из этого распространение данных правил на другую область лишь породит нежелательное смешение понятий как в теории, так и на практике.

Г.Ф. Шершеневич, будучи инициатором введения в правовой оборот понятия «исключительные права», рассматривал авторское право как исключительное имущество, допуская его отчуждение. Поначалу он полагал, что место авторского права — в имущественном праве между вещными и обязательственными правами, но позднее скорректировал свою точку зрения, уточнив, что место исключительных прав, как прав абсолютных, в соседстве с вещными правами¹³.

Оппоненты применения «теории интеллектуальной собственности» к результатам интеллектуальной деятельности исходят из того, что права на объекты интеллектуальной деятельности нельзя точно объять традиционной триадой правомочий, применимой к субъективному праву собственности, так как они отражают исключительно материальный характер объекта. В данном случае В.О. Калятин не видит сходства правомочий собственника и обладателя прав на РИД¹⁴.

В.А. Дозорцев, оценивая право собственности как «идеальную юридическую базу операций с вещью на рынке», для легализации в обороте результатов интеллектуальной деятельности считал его непригодным, исходя из нематериального характера РИД. В.А. Дозорцев видел в исключительном праве особое содержание, отличающее его от абсолютного права собственности. При этом саму «исключительность» автор объяснял не принадлежностью права одному лицу, а его закреплением только за лицом (лицами), которое определено законом¹⁵.

¹² Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г. // Верховный Суд РФ. Официальный сайт http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?id=10333.

¹³ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. — Тула, 2001. С. 332–334.

¹⁴ Калятин В.О. Право публикатора в проекте четвертой части Гражданского кодекса // Патенты и лицензии. 2006. № 8. С. 59.

¹⁵ Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права: сб. статей. — М., 2000. С. 297.

Исходя из положений части четвертой ГК РФ, верх одержали оппоненты понятия «интеллектуальная собственность», обозначающего субъективные права на РИД, поскольку в ГК РФ эти субъективные права признаны как интеллектуальные права. Таким образом, были признаны аргументы против дефиниции «интеллектуальная собственность» в объективном смысле.

Полагая адекватными указанные доводы, И.А. Сарычев ставит вопрос о том, какая категория в объективном смысле может заменить «право интеллектуальной собственности»¹⁶. В специальной литературе пока нет четкого ответа на этот вопрос. Исходя из наименования раздела VII ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», понятие «право» применено в субъективном смысле, тогда как в названиях прочих разделов оно имеет исключительно объективное значение, например «Право собственности», «Наследственное право», «Обязательственное право», «Международное частное право». На наш взгляд, системе норм, регулирующих отношения, связанные с РИД, можно считать интеллектуальным правом.

В.П. Мозолин, анализируя данные положения, отмечал, что главное не в названии права, а в содержании, которое проявляется в определении понятия субъективного права, а также в его отношении к РИД. Общность всех упомянутых выше концепций о юридической природе права на РИД состоит в том, что права авторов отнесены к категории субъективных прав, объекты которых — РИД¹⁷. В связи с этим в литературе предложено скорректировать название раздела VII ГК РФ, заменив его на «Интеллектуальное право», где составной частью будет авторское право как подинститут интеллектуального права. Данное предложение представляется обоснованным.

Новацией ГК РФ стало закрепление в пункте 3 ст. 1227 общего принципа соотношения интеллектуальных и вещных прав; речь идет о неприменимости положений раздела II ГК РФ к интеллектуальным правам, если иное не предусмотрено правилами раздела VII ГК РФ. Вероятно, данная норма относится не к интеллектуальным правам в целом, а лишь к случаям, когда они воплощены в матери-

альном виде (на носителе). В то же время и в данном случае, т.е. при сужении толкования смысла нормы, он представляется неявным. Мы исходим из того, что вещные права применимы к вещам (материальным носителям), тогда как интеллектуальные — к идеальным объектам, возможно и соединенным с материальными носителями. Таким образом, нормы, относящиеся к вещным правам, в принципе неприменимы к интеллектуальным правам. Данная позиция доминирует в литературе¹⁸. Исходя из этого, на первый взгляд, введение в законодательство анализируемого принципа представляется излишним и неприменимым на практике. В то же время нормы, относящиеся к вещным правам, традиционно детально и системно сформулированы в гражданском законодательстве. В отличие от них нормы об интеллектуальных правах разработаны относительно недавно, имеют признаки фрагментарности, а потому «слабее». В данном случае, учитывая, что рассматриваемые группы норм преимущественно однородны, неизбежно стремление скопировать отработанные и устоявшиеся правовые конструкции из области вещных прав и механически адаптировать их в область интеллектуальных прав. Полагаем, именно в силу данного соображения в качестве «предохранителя» в статью 1227 ГК РФ и был введен анализируемый пункт 3 как принцип неприменимости. Эта норма, по сути, сведена к запрещению применения к интеллектуальным правам по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) любых положений из сферы вещных прав. В данном случае очевидна определенная уникальность рассматриваемой нормы, состоящая в запрете применения аналогии закона для сходных по правовой природе отношений. Сходность основных начал анализируемых отношений убедительно показал С.С. Алексеев¹⁹. В связи с этим есть серьезные сомнения в обоснованности и правомерности введения нормы пункта 3 ст. 1227 ГК РФ ввиду ее противоречия положению статьи 6 Кодекса. Более того, из данной нормы не следует обратное, а именно: положения об интеллектуальных правах не могут применяться по аналогии закона к вещным правам.

Рассматривая соотношение интеллектуальных и вещных прав, следует обратить внимание и еще на один важный

¹⁶ Сарычев И.А. К вопросу о систематизации интеллектуального права // *Инновационная наука*. 2015. № 3. С. 229–231.

¹⁷ Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // *Журнал российского права*. 2007. № 12 (132). С. 107.

¹⁸ Еременко В.И. Нововведения в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // *Государство и право*. 2015. № 11. С. 59.

¹⁹ Алексеев С.С. *Право собственности* // *Проблемы теории*. 2-изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007. С. 63–67.

момент. В России в силу особенностей ее развития преимущественно без частной собственности культивировалось отрицание последней, формировался правовой нигилизм, экспроприационная модель поведения. В значительной части общества сложилось «негативно стойкое отношение к чужой собственности»²⁰, полностью распространившееся и на интеллектуальную собственность, которая на уровне обыденного правосознания считается большей частью населения «общей». В связи с этим Л.С. Леонтьева справедливо отмечает: специфика России, имеющей слабо развитые механизмы охраны и защиты интеллектуальных прав, настоятельно требует действенных мер «по формированию уважительного отношения к этому феномену средствами образовательной, воспитательной практики и правоохранительной деятельности»²¹.

Таким образом, можно констатировать, что понятие, признаки интеллектуальных прав, закрепленные в действующем законодательстве, эффективно используются, а дискуссионные вопросы относительно соотношения интеллектуальных и вещных прав, оставаясь в рамках научных дискуссий, не являются неразрешимым препятствием для реализации новаций части четвертой ГК РФ. В данном случае важным представляется вопрос о формировании соответствующего правового сознания.

Библиография

Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20 марта 1883 г., в ред. от 2 октября 1979 г.) // Закон. 1999. № 7.

Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г. (в ред. от 2 октября 1979 г.) // WIPO Всемирная организация интеллектуальной собственности. Официальный сайт http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283807.

Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2015 г., с изм. от 30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496; 2015. № 27. Ст. 3996.

Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Утв.

Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г. // Верховный Суд РФ. Официальный сайт http://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=10333.

Алексеев С.С. Право собственности // Проблемы теории. 2-изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007.

Алейников Б.Н. Институт права собственности и социальное государство в России. — СПб.: Издательство Юридического института (СПб), 2008.

Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы // Правовые исследования: новые подходы: сб. ст. факультета права НИУ ВШЭ. — М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. — М., 2000.

Еременко В.И. Нововведения в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 11, 12.

Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. — М.: Юрайт, 2011.

Калятин В.О. Право публикатора в проекте четвертой части Гражданского кодекса // Патенты и лицензии. 2006. № 8.

Леонтьева Л.С. К вопросу о праве интеллектуальной собственности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13.

Маковский А.Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сб. ст., посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева. — М., 2008.

Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12 (132).

Сарычев И.А. К вопросу о систематизации интеллектуального права // Инновационная наука. 2015. № 3.

Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. — Тула, 2001.

Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. — Казань, 1891.

Контактная информация об авторе: Алейников Борис Николаевич, заведующий Пензенским филиалом «Алейников и партнеры» Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы, профессор кафедры правосудия ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент; e-mail: abn-7@mail.ru.

²⁰ Желудков М.А. Значение идеологического обеспечения в становлении принципа уважения собственности в России // Вестник ТГУ. 2008. № 3. С. 394.

²¹ Леонтьева Л.С. К вопросу о праве интеллектуальной собственности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 244.